

Предисловие

С недавних пор происходит возрождение интереса к анархизму. Ему посвящают книги, монографии, антологии. Сложно сказать, всегда ли такое «литературное» усилие действительно эффективно. Очертить контуры анархизма сложно. Главные представители этого течения не всегда сжато излагали свою мысль в систематических трудах. Когда иные всё же пытались это сделать, то в основном в небольших брошюрах, задуманных для пропаганды и популяризации, в которых можно найти лишь фрагменты этих идей. К тому же существуют различные разновидности анархизма, а сколько вариаций в мыслях каждого из выдающихся либертариив[3]

Отрицание власти и акцент на приоритете индивидуального суждения особенно побуждают либертариив «исповедовать антидогматизм». «Не будем же становиться вождями новой религии, — писал Прудон[4] Марксу, — даже если это религия логики, религия разума». К тому же взгляды анархистов более многообразны, текучи и сложны для понимания, чем взгляды «авторитарных» социалистов, соперничающие церкви которых пытаются, более или менее, навязать своим приверженцам каноны веры.

В письме директору парижской тюрьмы Консьержери, незадолго до того, как он был казнён на гильотине, террорист Эмиль Анри[5] писал: «Но ни в коем случае не думайте, что Анархия есть догма, непререкаемая, необсуждаемая доктрина, боготворимая её приверженцами подобно тому, как мусульмане почитают Коран. Нет! Абсолютная свобода, которой мы требуем, постоянно развивает наши идеи и открывает для них новые горизонты (в зависимости от направления мыслей разных людей), выводит их за узкие рамки правил и норм. Мы не „верующие“». И приговорённый к смерти отбрасывает «слепую веру» французских марксистов той эпохи, «которые веруют во что-то лишь потому, что Гед[6] сказал, что в это надо верить, и у которых есть катехизис, оспаривать любой из параграфов коего является святотатством».

На самом деле, несмотря на разнообразие и богатство анархической мысли, несмотря на её противоречия, несмотря на доктринальные споры, которые, кстати, слишком часто фокусировались на ложных проблемах, анархизм представляет собой достаточно однородный комплекс идей. На первый взгляд может показаться огромной разница между индивидуалистическим анархизмом Штирнера[7] и социальным анархизмом. Но если заглянуть глубже, то, несмотря ни на что, поборники тотальной свободы и сторонники социальной организации оказываются не так уж далеки друг от друга, как им самим представляется или как может показаться на первый взгляд. Социальный анархист является также и индивидуалистом, а анархист-индивидуалист, со своей стороны, вполне может быть по сути своей социальным анархистом, хотя и боится себе в этом признаться.

Относительное единство социального анархизма объясняется тем, что он разрабатывался практически в одну эпоху двумя учителями, каждый из которых был одновременно

учеником и последователем другого — французом Пьером-Жозефом Прудоном и русским изгнанником Михаилом Бакуниным[8]. Бакунин дал определение анархизма, как «широко развитого и доведённого до крайних пределов прудонизма». Этот анархизм объявил себя «коллективистским».

Однако его эпигоны отвергли это определение и провозгласили себя коммунистами («вольными» или «либертарными» коммунистами, разумеется). Один из них, Пётр Кропоткин[9], также вынужденный покинуть Россию, склонялся к теории в более утопическом и оптимистическом духе, «научность» которой плохо скрывала её слабые места. Итальянец Эррико Малатеста[10], в свою очередь, исповедовал бескомпромиссный, порой ребяческий, активизм, хотя и обогатил анархистскую мысль своей непримиримой и часто здоровой полемикой. Позднее опыт Российской революции породил одно из наиболее замечательных анархистских произведений — труд Волина[11].

* * *

Анархистскому терроризму конца XIX века были присущи драматические и анекдотические черты, а также запах крови, столь дразнящий вкусы широкой публики. Но если в своё время он явился школой личной энергии и мужества, что вызывало уважение, если его заслугой явилось привлечение общественного внимания к проблемам социальной несправедливости, то сегодня он предстаёт, скорее, как эпизодическое и бесплодное отклонение в истории анархизма. Он представляется фигурой прошлого. Сосредоточение внимания, как предлагает обложка одного недавнего издания, на «котелке Равашоля»[12] ведёт к игнорированию или недооценке фундаментальных черт концепции социального переустройства, которая вовсе не является исключительно разрушительной, как утверждают её противники, но при ближайшем рассмотрении оказывается в высшей степени конструктивной. Именно к этому анархизму мы и хотим привлечь внимание читателя. По какому праву и на каком основании? Просто-напросто потому, что идеи, о которых идёт речь, отнюдь не устарели, но являются исключительно жизненными, и потому, что поставленные проблемы актуальны как никогда. Если яростный вызов обществу, бомбы и взрывы принадлежат допотопной эпохе и более не могут утратить, то, в свою очередь, анархические предвосхищения наталкивают на размышления. Можно заметить, что они в значительной мере отвечают потребностям нашего времени и могут внести свой вклад в строительство нашего будущего.

В отличие от предшествующих работ эта небольшая книга не претендует на то, чтобы стать историей или библиографией анархизма. Эрудитов, посвящавших свои труды анархизму, заботило прежде всего то, как не пропустить ни одного имени в составленных ими картотеках. Очарованные внешним сходством, они, как им казалось, находили множество предтеч анархизма. Они придавали практически равный вес гению и его менее значительным последователям, предоставляли чрезмерное количество зачастую поверхностных биографических деталей гораздо охотнее, чем занимались действительно глубоким исследованием идей. Их учёные тома оставляют у читателя ощущение расплывчатости, относительной бессвязности, и в то же время не дают ответа на вопрос, что же такое анархизм на самом деле.

Метод, который я попытался применить, иной. Предполагается, что биографии представителей анархической мысли уже известны. В любом случае они иногда проливают значительно меньше света на наш сюжет, чем полагают некоторые исследователи. И действительно, учителя анархизма не были в равной степени анархистами на протяжении всей своей жизни; многие страницы их полных собраний сочинений не имеют никакого отношения к анархизму.

Так, например, мысль Прудона во второй половине его деятельности становится всё более консервативной. Его пространная и монументальная работа «О справедливости в революции и церкви» (1858) посвящена главным образом проблеме религии. Её заключение малоанархично, поскольку, несмотря на неистовый антиклерикализм, Прудон в конечном счёте принимает все положения католицизма, не интерпретируя их, и заявляет, что дело образования и нравственного воспитания народа выиграло бы от сохранения христианской символики. К концу книги уже кажется, что, отложив перо, он сам готов произнести проповедь. Из уважения к его памяти мы лишь вскользь упомянем о его «приветствии войне», нападках на женщин и приступах расизма.

Прямо противоположное произошло с Бакуниным. Как раз первая половина его бурной карьеры революционера-конспиратора не имеет отношения к анархизму. Он обращается к анархическим идеям лишь начиная с 1864 г., после подавления польского восстания, в котором он участвовал[13]. Его произведения предшествующего периода не очень подходят для анархистской антологии.

Что касается Кропоткина, то его чисто научные работы, благодаря которым он известен в СССР как один из выдающихся деятелей российской географии,[14] не имеют прямого отношения к анархизму, точно так же, как и его оборонческая позиция во время Первой мировой войны[15].

Итак, мы предпочли здесь историческому и хронологическому исследованию другой метод, необычный: читателю поочерёдно представляются не персоналии, а основные конструктивные темы анархизма. Умышленно были опущены лишь те из них, которые не являются специфически анархическими (например, критика капитализма, атеизм, антимилитаризм, свободная любовь и т. д.). Вместо сухого пересказа чужих идей из вторых рук, опреснённого и бездоказательного, я как можно более часто прибегал к цитатам. Это даёт читателю возможность воспринять идеи различных авторов в их непосредственной форме, в том виде, как они вышли из-под их пера, со всем пылом и горячностью.

Затем доктрина рассматривается под другим углом зрения: анархизм показан в основные исторические моменты, когда он был подвергнут практическому испытанию (Российская революция 1917 г., Италия после 1918 г., Испанская революция 1936 г.). В последней главе представлено рабочее самоуправление, являющееся, без сомнения, наиболее оригинальным детищем анархизма, в противопоставлении с современной действительностью.

Итак, на страницах этой книги беспрестанно сталкиваются, а иногда пересекаются, две концепции социализма: одна «авторитарная», другая либертарная. Какой из них принадлежит будущее, пусть, проанализировав, решит сам читатель.

Даниэль Герен

Версия #1

Зверобой создал 10 апреля 2025 23:00:30

Зверобой обновил 10 апреля 2025 23:02:20